

Письмо Е.П.Блаватской

М[илостивый] Г[осударь]. В №30 вашего интересного журнала, на стр. 276, в «Кратких Заметках», я нахожу, касательно моего приезда в Европу, следующее: «Известно, насколько горячо Е.П. (Блаватская) любит свою родину Россию и насколько не сочувствует английским порядкам в Индии, за что и не пользуется благорасположением правителей Индии».

Все в этих строках, от начала до конца, *святая истина*; и ввиду сотен ходящих обо мне, по случаю моего возвращения в Европу, нелепых слухов, я приношу мою горячую благодарность тому, кто писал обо мне хоть раз правду. Но в нескольких последующих за этими строчках вкрались неточности, которые я вас и покорнейше прошу исправить. В них говорится, например: «При возникновении афганского вопроса¹, г-жа Блаватская, как и обыкновенно, не стеснялась открыто высказывать свои симпатии и антипатии, за что, по дошедшим до нее слухам, ей грозил арест, во избежание которого она вынуждена была поспешно сесть на отходящее французское судно, доставившее ее благополучно в Неаполь».

Из этого всякий выведет вот что: «Блаватская быть может и горячая патриотка (в чем никто не ошибется), но не воздержана на язык» (и в этом доля правды, только не в настоящем случае). – «Живя на британской территории, – скажет читатель, – и пользуясь английским гостеприимством, она была обязана, в силу окружающих ее событий и тех обстоятельств, в которых она находилась, *воздерживаться*, а не *высказывать открыто* своих антипатий. И если перепуганные в то время, как зайцы, англо-индийские власти и засадили бы ее в кутузку, то в этом они были бы, по своему, *совершенно правы*».

Вот как скажет, читая последние шесть строчек в «Кратких Заметках», каждый беспристрастный человек. Действительно: «в чужой монастырь» не следует никому «ходить со своим» уставом», особенно в такую минуту, когда у 60000 властелинов 300 миллионов индийских рабов делался от страха танец Св. Витта, когда они бредили и день и ночь о русских шпионах, узревали в каждом колыхающемся бамбуке русского солдата со штыком, а по всей Англии шел на Россию скрежет зубовой! Затем, ведь это только у вас, в долготерпеливой, бесконечно великодушной и добродушной матушке России, переряжаемой только идиотской Европой в Мегеру, с Сибирью в саквояже, виселицей под правую руку и кнутом под левую, каждый, даже приехавший ее обкрадывать иностранец, ругает безнаказанно в глаза, как и за глаза, принявшую его к себе страну и ее правителей. В британской же Индии, у нас, совсем другие порядки. Там сажают в тюрьму по одному только подозрению, что приезжий – русский. Там боятся «русского духа», как черт боится ладана; и еще недавно некий сборщик податей, патриот и русофоб, внес проект учредить в Индии во всех портах «русский карантин», где не только русские, но и приезжающие из России туристы всех наций обязательно подвергнутся предварительному «проветриванию», а затем уже станут допускаться путешествовать по Индостану *под конвоем*.

Вследствие этого прошу позволения *исправить* и *добавить* следующее к шести упомянутым мною строчкам.

1) Хотя совершенно верно, что я горячо люблю мою родину и все русское, а англо-индийскому *терроризму* не только не *сочувствую*, но и просто *ненавижу его*, но не менее верно и следующее: не чувствуя за собою права вмешиваться ни в чьи домашние, тем менее в политические дела, в продолжение моего *шестилетнего* пребывания в Индии строго следуя «уставам» нашего Теософического Общества, я не только что никогда не выражала *перед индусами* своих «антипатий», но, любя их и желая им добра от всего сердца, старалась, напротив, помирить их с неизбежным и, утешая, постоянно проповедовала им терпение, прощение и внушала верноподданнические чувства.

2) В благодарность за это, прозорливое англо-индийское правительство узрело во мне с первого же дня моего приезда в Бомбей – «русскую шпионку». Оно не жалело ни трудов, ни денег, чтобы проникнуть в ту *коварную цель*, которая могла заставить меня предпочитать «покорителям» *покоренных*, «тварей низшей расы», как первые называют индусов. Оно окружало меня более двух

Письмо публикуется по журналу: *Ребус*, 1885, №37, 22 сентября.

Подготовка текста и комментарии А.Д.Тюрикова.

¹ Речь идет о вооруженном столкновении русских и афганских войск при Таш-Кепри (севернее Кушки) 18 марта 1885 г. и вызванном этим конфликте между Англией и Россией.

лет почетным конвоем из мусульманских полицейских шпионов², делая мне, одинокой русской женщине, честь страшится меня, как бы я была целой армией казаков за Гималаями. Только спустя два года и истратив – по сознанию сэра Альфреда Лайеля³ – более 50000 рупий на эту бесполезную погоню за моими *политическими тайнами*, – которых никогда не было, – правительство успокоилось. – «Мы сыграли в дураков», – говорил мне очень откровенно затем в Симле некий англо-индийский сановник, – в чем я с ним учтиво согласилась.

3) Вернувшись в декабре 1884 г. из Европы домой, в Мадрас, я почти тотчас же заболела. С того дня, когда возник афганский вопрос, до 29 марта 1885 года, когда я уехала снова, я не могла *выразить* ни симпатий, ни антипатий, потому что лежала на смертном одре, приговоренная к смерти всеми докторами. Этим именно и воспользовались те, *которые старались всеми силами убить меня*, или, по крайней мере, удалить из Индии, где я им мешала. Это известно всей Индии; все знают, насколько меня *страшились и как ненавидели* многие – почти *все* англо-индийцы, и какой существует огромный против нашего общества заговор между европейцами в Индии и даже в Америке и Англии. «Не мытьем, так катаньем». Не находя предлога разрушить приносящее пользу общество, в котором, к тому же, очень много самых известных англичан, наши «доброжелатели» вздумали убить его, убив, если не меня, то мою репутацию. Дошло до того, что пожелали даже представить все Теософическое Общество, организованное полковником Олькот[т]ом и мною, ничем иным, как водевилем с переодеваниями и ширмой, за которой скрываются мои планы и действия «русской шпионки». Такое мнение высказал, между прочим, *публично*, за обедом у м-ра Гарстина, одного из выдающихся сановников правительства в Мадрасе, – член Лондонского общества для психических исследований⁴. Это произвело страшную бурю.

Знающие люди убедили тогда моих друзей в Адьяре (главная квартира Теософического Общества), что в данное время мое положение далеко не безопасно как русской, пользующейся известным влиянием среди индусов, и что мне угрожал, невзирая на мою болезнь, – арест.

Таким образом, не объяснив мне даже хорошенько в чем дело, эти перепугавшиеся за меня друзья решили, по совету доктора, который грозил им, что такой арест был бы для меня в то время смертью, – отправить меня, не медля ни одного дня, в Европу. Прямо с постели, полумертвую, меня перенесли поздно вечером в кресле на *французский* пароход, где я была в безопасности от врагов, и отправили в сопровождении доктора Хартмана, моего секретаря, индуса и преданной мне молодой англичанки – в Неаполь. Только придя уже несколько в себя за островом Цейлоном, я узнала, в чем дело. Не будь я так больна, в то время даже и опасность ареста не заставила бы меня покинуть Индию⁵.

Вот истинный рассказ о последнем событии моей жизни, могущий служить дополнением к помещенной в вашем журнале «Правде о Е.П.Блаватской». Многие же из подробностей этого

² Первые полтора года пребывания в Индии Е.П.Блаватская находилась под демонстративным полицейским надзором, поскольку британские власти подозревали ее в шпионаже в пользу России. Эти полицейские меры были отменены 20 октября 1880 г.

³ Лайель Альфред (1835–1911) – британский чиновник в Индийской гражданской службе, министр иностранных дел в правительстве Индии (1878–1881).

⁴ Речь идет о Р.Ходжсоне (1855–1905), британском преподавателе философии и литературы в Кембриджском университете, члене Лондонского Общества психических исследований, подготовившем клеветнический Отчет о Е.П.Блаватской и деятельности Теософского общества в Индии. Е.П.Блаватская писала: «...М-р Ходжсон публично объявил меня *русской шпионкой*. <...> По словам Оукли, он просто *ополоумел*. Назвать на банкете кого-то русским шпионом <...> достаточно, чтобы англо-индийцы из-за одного только подозрения упрятали меня в тюрьму» (Блаватская Е.П. Письма А.П.Синнетту. М., 1997. С. 157).

⁵ Основными причинами отъезда Е.П.Блаватской из Индии весной 1885 г. стали не предполагаемый арест ее англо-индийскими властями и не плохое здоровье, а малодушие и эгоизм, проявленные ведущими теософами в Адьяре, когда требовалось выступить в защиту Блаватской против клеветы Куломбов. В статье «Почему я не возвращаюсь в Индию» Блаватская писала: «Но верность и мужество руководства Адьяра и нескольких европейцев, которые доверяли Учителям, не были соразмерны пришедшему испытанию. Несмотря на мои протесты, меня поспешно увезли из Штаб-квартиры. По словам врачей, я буквально умираю, но я протестовала и сражалась бы за теософию в Индии до последнего дыхания, если бы нашла реальную поддержку. Однако одни боялись юридических затруднений, другие каких-то действий со стороны правительства. В то же время мои лучшие друзья верили в зловещие предсказания врачей о том, что я неизбежно могу умереть, если останусь в Индии. Поэтому меня отослали в Европу укрепить физическое состояние, но с обещанием быстрого возвращения в мою любимую Ариаварту» (Blavatsky H.P. Why I Do Not Return to India // Collected Writings. 15 vols. Wheaton, Madras, London, 1980. V. XII. P. 162).

шестилетнего эпизода о моем фантастическом «шпионстве», читатели найдут в I и во II части печатающихся в *Русском Вестнике* моих писем «Из пещер и дебрей Индостана», продолжением которых я занята в настоящее время.

Примите и проч.

Е.Блаватская.

Вюрцбург, 27 Августа 1885 г.